

ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ ВУДХАУС

ДЕРЖИМ УДАР, ДЖИВС!

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
В88

Серия «Эксклюзивная классика»

Pelham Grenville Wodehouse

STIFF UPPER LIP, JEEVES

Перевод с английского *И. Шевченко*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *Е. Фerez*

Печатается с разрешения The Trustees of the
P.G. Wodehouse Estate и литературных агентств
Rogers, Coleridge & White Ltd. и Andrew Nurnberg.

Вудхаус, Пелам Гренвилл.

В88 Держим удар, Дживс! : [роман] / Пелам Гренвилл Вудхаус ; [пер. с англ. И. Шевченко]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 256 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-983320-8

Очередные похождения молодого аристократа Берти Вустера и его слуги, спасителя и ангела-хранителя — невозмутимого Дживса. Снова и снова Берти Вустер попадает как кур в ошип в крупные неприятности. Ему грозят ужасы разорения, позора, скандала или женитьбы. Однако в последний момент незаменному Дживсу всегда удается найти выход из самой безнадежной ситуации...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1963

© Перевод. И. Шевченко, 2017

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-983320-8

Глава 1

Небрежно поигрывая ножом, я намазал джем на горячий гренок и чуть было не огласил воздух ликующим «Тру-ля-ля!», поскольку в это утро чувствовал себя в превосходной спортивной форме. «Улыбается Бог в небесах, в этом мире все так хорошо!» Помнится, таким образом однажды высказался Дживс. Он еще, кажется, упомянул о жаворонках и улитках, но это к делу не относится, так что не будем отвлекаться.

В кругах, где вращается Бертрам Вустер, ни для кого не секрет: когда ночь вступает в свои права и приходит час пиршества, Бертрам может украсить собой любое общество, однако за завтраком он, как правило, остроумием не блещет. Сойдясь лицом к лицу с яичницей и беконом, он, случается, робко их поковыряет, будто боясь, что они вдруг сорвутся с тарелки и набросятся на него. Словом, спозаранку Бертрам Вустер вял и скучен. Сплошная беспросветность.

Однако сегодняшний день существенно отличался от всех прочих. Сегодня у нас царил дух животрепетания — если это слово означает то, что я имел в виду, — и воодушевления. Ну

так вот, я мало того что впился зубами в сосиски, как тигр в несчастного кули, которого он отловил себе ко второму завтраку, но еще после этого, как уже упоминалось, накинулся на хлеб с джемом. По-моему, этим все сказано.

Причину, по которой сегодня я куда более благосклонно смотрел на белки и углеводы, легко понять. Дживс вернулся и снова отслуживал свое еженедельное вознаграждение на старом месте. Дело в том, что дворецкий моей обожаемой тетушки Далии захворал, и она позаимствовала у меня Дживса на время приема, который устраивала в своем вустерширском поместье Бринкли-Корт. Таким образом, я больше чем на неделю лишился общества моего слуги. Разумеется, Дживс не дворецкий, а камердинер, но, если случится нужда, он любого дворецкого за пояс заткнет. Это у него в крови. Его дядюшка Чарли — дворецкий, и, конечно, Дживс перенял у него кучу всяких профессиональных тонкостей. Когда Дживс появился, чтобы убрать останки, я спросил его, хорошо ли ему жилось в Бринкли.

— Исключительно приятно, благодарю вас, сэр.

— А вот мне без вас было далеко не так приятно. Я чувствовал себя как малое дитя, которого лишили няни. Вы не против, что я назвал вас няней?

— Нисколько, сэр.

Впрочем, на самом деле это еще мягко сказано. Моя тетя Агата — страшная женщина, на-

стоящее исчадие ада — считает, что Дживс играет при мне роль надсмотрщика.

— Да, мне очень вас не хватало, я даже с друзьями в «Трутнях» веселился без всякого удовольствия. «Они влекли меня к забавам...» — как там дальше?

— Сэр?

— Однажды вы таким образом высказались про Фредди Уиджена, когда одна из его подружек дала ему от ворот поворот. Что-то там вроде бы утолить...

— Ах, вот оно что, сэр! «Они влекли меня к забавам, дабы печали утолить...»

— «...в надежде тщетной, что веселость забвенья может подарить». Да-да, это самое. Сами сочинили?

— Нет, сэр. Это старинная английская салонная баллада.

— Да? А написано будто обо мне. Однако расскажите: что в Бринкли? Как поживает те-тушка Даляя?

— Миссис Траверс, судя по всему, пребывает, как обычно, в добром здравии, сэр.

— Как прошел праздник?

— Удовлетворительно, в разумных пределах, сэр.

— Только-то?

— Настроение мистера Траверса несколько омрачало обстановку. Он был подавлен.

— Так случается всякий раз, когда тетя Даляя собирает полон дом гостей. Известно, что

он погружается в пучину отчаяния, если даже один-единственный чужак переступает порог их дома.

— Истинная правда, сэр, но позволю предположить, что в данном случае подавленность мистера Траверса объясняется главным образом присутствием сэра Уоткина Бассета.

— Неужели там был этот старый хрыч? — возмутился я, ибо знал, черт побери, что если есть на свете человек, к которому мой дядя Том чувствует живейшее отвращение, то это Бассет. — Я поражен, Дживс.

— Должен признаться, сэр, что я тоже был несколько удивлен, увидев этого джентльмена в Бринкли-Корте, но, вне сомнения, миссис Траверс сочла своим долгом воздать ему за его гостеприимство. Как вы изволите помнить, недавно сэр Уоткин принимал вас с миссис Траверс в Тотли-Тауэрсе.

Я поморщился. Желая всего лишь освежить мою память, Дживс коснулся оголенного нерва. В чашке оставалось немного холодного кофе, и я отхлебнул глоток, чтобы вернуть себе спокойствие.

— Ничего себе «принимал»! Запереть человека в спальне, чуть ли не наручники на него надеть, поставить внизу на лужайке полицейского, чтобы не удрал через окно на связанных простынях, — если, по-вашему, это называется «принимать гостей», то я решительно не могу с вами согласиться.

Не знаю, насколько вы знакомы с анналами о Вустере, но если вы хоть в какой-то мере о них осведомлены, то, возможно, припомните ужасающую историю о сэре Уоткине Бассете и моем посещении его глостерширского поместья. Сэр Уоткин и мой дядюшка Том наперегонки коллекционируют то, что называется *objets d'art*, и когда сэр Уоткин обманом увел из-под носа дяди Тома серебряный кувшинчик для сливок в виде коровы — на редкость безобразное изделие, — мы с тетушкой Далией отправились в Тотли-Тауэрс, дабы похитить вышеупомянутую корову и вернуть ее в родное стойло. Это предприятие, хоть и увенчавшееся, как говорится, успехом, едва не привело меня в кутузку, и когда я вспоминаю о нем, то все еще дрожу, как трепетная осина, если я правильно выражаюсь.

— Мучают ли вас ночные кошмары, Дживс? — спросил я, надрожавшись.

— Очень редко, сэр.

— Меня тоже. Но если мучают, то всегда одни и те же. Я снова оказываюсь в Тотли-Тауэрсе в обществе сэра У. Бассета, его дочери Мадлен, Родерика Спода, Стиффи Бинг, Гасси Финк-Ноттла и скотч-терьера Бартоломью, они являются мне во всей своей красе, и я просыпаюсь, не к столу будь сказано, весь с головы до ног в поту. Да уж, поистине для меня то были времена, которые... как там, Дживс?

— Ниспосланы, чтобы подвергнуть человека испытаниям, сэр.

— Именно. Да еще каким! Один сэр Уоткин Бассет чего стоит, а? — задумчиво проговорил я. — И нечего удивляться, что дяде Тому стало не по себе и он приуныл. На его месте я тоже впал бы в депрессию. А кто еще наблюдался среди присутствовавших?

— Мисс Бассет, сэр, мисс Бинг, собака мисс Бинг и мистер Финк-Ноттл.

— Ну и ну! Вся шайка почти в полном составе. Спода не было?

— Нет, сэр. Очевидно, на его сиятельство приглашение не распространялось.

— На его — что?

— Мистер Спод, если изволите припомнить, сэр, унаследовал титул лорда Сидкапа.

— Ах да. Совсем забыл. Сидкап или не Сидкап, а для меня он все равно Спод. Скверный тип.

— Во всяком случае, он назойливая личность, сэр.

— Не хотелось бы снова с ним сталкиваться.

— Охотно понимаю, сэр.

— И не испытываю никакого желания встречаться ни с сэром Уоткином Бассетом, ни с Мадлен Бассет, ни со Стиффи Бинг и Бартоломью. Против Гасси не возражаю. Физиономия как у палтуса, в спальне у себя держит тритонов в стеклянной банке, но на такие вещи смотришь сквозь пальцы, когда речь идет о твоём старом школьном друге. Точно так же прощаешь старому товарищу по Оксфорду, например препо-

добному Г. П. Пинкеру, его привычку загребать ногами и опрокидывать все вокруг. Так как же Гасси? Вне себя от счастья?

— Нет, сэр. Мистер Финк-Ноттл, как мне показалось, тоже был подавлен.

— Видимо, какой-нибудь из его тритонов подхватил тонзиллит.

— Возможно, сэр.

— Вы никогда не держали тритонов?

— Нет, сэр.

— Я тоже. И Эйнштейн, и Джек Демпси, и архиепископ Кентерберийский, по-моему, тоже. А вот Гасси получает от общества тритонов истинное наслаждение. Устроится поуютнее и глазает на них, и нет на свете человека счастливее его. Чего только в жизни не бывает, а?

— Да, сэр. Вы предполагаете обедать дома?

— Нет. У меня свидание в «Ритце», — сказал я и вышел, дабы облачиться в приличествующий английскому джентльмену уличный наряд.

Во время переодевания, когда мои мысли вновь вернулись к Бассетам и я еще раз подивился, ради чего, черт побери, тетушка Далия допустила, чтобы сэр Уоткин и сопровождающие его лица отравляли своим присутствием чистую атмосферу Бринкли-Корта, зазвонил телефон, и я вышел в холл, чтобы снять трубку.

— Берти?

— О, привет, тетя Далия.

Я сразу узнал любимый голос. Когда мы с тетей Далией говорим по телефону, у меня просто

лопаются барабанные перепонки. Моя тетушка некогда была заметной фигурой в охотничьих кругах и, говорят, так зычно гикала и улюлюкала, скача по лугам и перелескам в погоне за лисой, что слышно было даже в соседних графствах. Теперь, отойдя от активной охоты на лис, она все еще сохраняла привычку адресоваться к племяннику тоном, предназначенным скорее для одергивания охотничьих собак, когда те отвлекались на кроликов.

— Смотри-ка, он уже на ногах! — прогудела она. — Я думала, ты еще в постели, храпишь так, что стены дрожат.

— Вообще-то обычно в этот час я еще недоступен, — поддакнул я, — но сегодня встал с жаворонками и с этими, как их? Кажется, с улитками. Дживс!

— Сэр?

— Вы ведь говорили, что улитки встают рано?

— Да, сэр. Поэт Браунинг в своей стихотворной драме «Проходит Пиппа...» указывает, что они встают в семь часов утра. «Жаворонок запел свою песню так весело и безыскусно, и улитка ползет по листу, оставляя свой легкий узор».

— Благодарю вас, Дживс. Тетя Далия, я не ошибся. Я восстал из постели, когда жаворонок уже запел свою песню, а улитка ползет по листу.

— Бerti, что ты там мелешь?

— Вопрос не ко мне, а к Браунингу. Я говорю, что сегодня встал рано. Это самое малое,

что я мог сделать, чтобы отпраздновать возвращение Дживса.

— Он ведь вернулся в добром здравии, да?

— Да, загорелый и бодрый.

— Здесь он был в прекрасной форме. На Бассета произвел неизгладимое впечатление.

Я обрадовался тому, что представилась возможность разрешить загадку.

— Тетя Далия, — сказал я, — вы затронули один вопрос, в связи с которым мне бы хотелось услышать разъяснения. За каким чертом вы пригласили в Бринкли папашу Бассета?

— Ради жены и малых детушек.

— Чего-чего? Не понял. Растолкуйте, пожалуйста.

— Ради Тома, я хочу сказать, — ответила она и так оглушительно захохотала, что я затрясся всем телом. — Том в последнее время впал в уныние по причине, как он говорит, чудовищного налогообложения. Ты ведь знаешь, он ненавидит раскошелиться.

Я и в самом деле это знал. Будь его воля, департаменту налогов и сборов не видать бы его денег как своих ушей.

— Ну так вот, я и подумала, что общество Бассета отвлекло бы его, он бы понял, что на свете есть вещи похуже, чем подходящий налог. Меня надоумил здешний врач. Рассказал, что есть такая болезнь, называется «болезнь Ходжкина», от которой лечат мышьяком. Принцип тот же самый. Ведь этот Бассет просто невыно-

сим. Когда увидимся, я тебе расскажу про статуэтку из черного янтаря. Бассет ее недавно купил для своей коллекции. Он показывал ее Тому и при этом отвратительно злорадствовал. Том исстрадался весь, горемыка.

— Дживс сказал, что он был подавлен.

— Ты бы тоже был подавлен, будь ты коллекционером и знай, что твой конкурент, которого ты и так терпеть не можешь, раздобыл для своей коллекции вещь, за которую ты бы отдал не глядя все четыре зуба мудрости.

— Понимаю, — сказал я, не первый раз удивляясь тому, что дядя Том так высоко ценит вещи, которых, по мне, так хоть бы вообще на свете не было. Например, вышеупомянутый сливочник в виде коровы — надо же такое выдумать, ей-богу! Я всегда без боязни намекал, что самое подходящее место для всех этих коллекционеров — обитая войлоком палата в психушке.

— У Тома началось тяжелое несварение, каково у него не случалось с тех пор, как его последний раз подбили поесть омаров. Кстати о несварении: послезавтра я приеду на один день в Лондон и рассчитываю, что ты накормишь меня обедом.

Заметано, сказал я, и после того как мы с ней совершили небольшой обмен любезностями, она дала отбой.

— Это была тетушка Далия, Дживс, — сказал я, отойдя от телефона.

— Да, сэр, мне показалось, что я узнал голос миссис Траверс.

— Она хочет, чтобы я послезавтра угостил ее обедом. Думаю, лучше пригласить ее к нам. Она не слишком жалуется ресторанный кухню.

— Очень хорошо, сэр.

— Что это за статуэтка из черного янтаря, о которой говорила тетя Далия?

— Прошу прощения, но это довольно длинная история, сэр.

— В таком случае сейчас не стоит рассказывать. Мне надо бежать сломя голову, иначе я опоздаю на свидание.

Вооружившись зонтиком и надев шляпу, я взял курс в открытое пространство, но тут услышал почтительное покашливание и, обернувшись, увидел, что день радостного воссоединения вот-вот омрачится. В устремленных на меня глазах я уловил особый блеск, столь мне знакомый по общению с тетушками и неизменно означавший явное осуждение. И когда Дживс страдальчески произнес: «Прошу прощения, сэр, но неужели вы намерены появиться в отеле «Ритц» в этой шляпе?» — я понял, что настало время Бертраму продемонстрировать свою прославленную железную волю.

В вопросе головных уборов Дживс как пить дать идет не в ногу с современной передовой мыслью. Его взгляды даже можно назвать реакционными, и я с самого начала задавался вопросом, как он отнесется к голубой тирольской

шляпе с розовым пером, которую я купил в его отсутствие. Теперь я получил ответ. Невооруженным глазом было видно: он ни за что на свете с ней не примирится.

Я же, напротив, всей душой полюбил эту шляпу, хотя готов был допустить, что она более уместна для ношения в сельской местности. Но, с другой стороны, она, бесспорно, сообщала моей наружности эдакую чертовщинку, а при моей внешности некая чертовщинка в экипировке просто неопределима. Поэтому у меня в голове прозвучали металлические нотки:

— Да, Дживс, именно так я и намерен поступить, в общем и целом. Разве вам не нравится эта шляпа?

— Нет, сэр.

— Ну а мне нравится, — находчиво сказал я и вышел на улицу в своей тирольской, лихо заломленной — в этом вся соль! — голубой шляпе.

Глава 2

В «Ритце» у меня было назначено свидание с Эмералд Стокер, младшей дочерью этого пирата папаши Стокера, который однажды обманом заманил меня к себе на яхту с намерением женить на своей старшей дочери Полин. Длинная история, сейчас не стану вдаваться в подробности, скажу только, что старый болван имел совершенно превратное представление о моих отношениях с его ненаглядным чадом, потому что

мы, как говорится, были всего лишь добрыми друзьями. К счастью, все обошлось благополучно — барышня связала себя узами брака с Мармадюком, лордом Чаффнеллом, моим старинным приятелем, и мы как были, так и остались добрыми друзьями. Иногда я провожу уик-энды у Полин и Чаффи. А когда она приезжает в Лондон за покупками или за чем-нибудь еще, я слежу, чтобы она поглощала достаточное количество калорий. И само собой разумеется, когда Эмералд Стокер явилась сюда из Америки обучаться живописи, Полин поручила мне приглядывать за сестрой и время от времени водить ее обедать. Старый добрый Берти, друг семьи.

Я так и знал, что опоздаю — Эмералд уже меня ждала. Всякий раз при виде ее я поражаюсь, до чего не похожи друг на друга могут быть родственники. В том смысле, что субъект А на чисто лишен внешнего сходства с родственным ему субъектом В, а субъект В совсем не похож на родственного субъекта С, — надеюсь, вы улавливаете ход моих мыслей. Взять, например, клан Стокеров. Глядя на них, вы никогда в жизни не догадаетесь, что они связаны узами крови. Старик Стокер — вылитый персонаж третьего плана из какого-нибудь гангстерского фильма, а Полин такая красотка, что когда идет по улице, даже самый сдержанный мужчина не стерпит и восхищенно присвистнет ей вслед. Эмералд же, совсем наоборот, вполне заурядная милашка и ничем не отличается от сотен дру-